

Маркирование темпоральных именных групп с семантикой синхронной локализации в мордовских и марийских языках на материале Нового Завета

П. С. Плешак

Университет Мэриленда, Колледж-Парк (Мэриленд, США);
ppleshak@umd.edu; ORCID: 009-005-0017-235X

Аннотация. В данной статье на материале текстов Нового Завета рассматриваются темпоральные именные группы (ТИГ) с семантикой синхронной локализации в эрзянском, мокшанском, луговом марийском и горномарийском языках. Помимо описания базовых способов маркирования ТИГ различных семантических подтипов, уделяется внимание влиянию наличия модификатора в ТИГ на ее оформление. Также в статье обсуждается статус немаркированных форм, наречных суффиксов и генитива в системе морфосинтаксического кодирования ТИГ в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: темпоральные выражения, падежное маркирование, именные зависимые, генитив, параллельный корпус, мордовские языки, марийские языки.

Nominal temporal adverbials of simultaneous location in Mordvin and Mari based on the data from the New Testament

Polina S. Pleshak

University of Maryland, College Park (Maryland, USA); ppleshak@umd.edu;
ORCID: 009-005-0017-235X

Abstract. This paper deals with NP-based temporal adverbials of simultaneous location (*that day, next year*) in four closely related Finno-Ugric languages: two

Mordvin (Erzya and Moksha), and two Mari (Meadow Mari and Hill Mari). The research is based on data from the New Testament translations. Alongside with the basic strategies of the morphological marking of NP-based temporal adverbials with different semantic subtypes distinguished by Haspelmath (“Hour”, “Day part”, “Day”, “Month”, “Season” and “Year”), I look at “Abstract time” which can have marking not identical to any other category. I also investigate the influence of presence of a nominal modifier (ordinal numeral, adjective, demonstrative pronoun, genitive dependent) on the choice of the marker. In addition, I discuss the status of unmarked forms, as well as adverbial affixes and the genitive case in the system of morphosyntactic encoding of temporal expressions. I show that unmarked NP-based temporal adverbials and temporal NPs marked with so-called adverbial affixes should not be treated as frozen lexical forms, because such expressions can contain adnominal modifiers. Based on the compatibility of some temporal markers with plural markers, I also argue that adverbial affixes that are homophonous with the genitive affixes in Moksha and Hill Mari are in fact genitive. This means that in these languages not only spatial cases, but also the genitive has temporal functions, even though it has not been discussed or sometimes even reflected in reference grammars. I argue that, despite some restrictions of the corpus of the New Testament, such a preliminary study of the system of temporal expressions in a particular language can be the first step within a larger research project, which helps to formulate hypotheses that can be later falsified by elicited examples. This method also helps to verify and complement the information found in reference grammars and dictionaries.

Keywords: temporal expressions, case marking, adnominal modifiers, genitive, parallel corpus, Mordvin, Mari.

1. Введение

В данной статье рассматриваются темпоральные именные группы (ТИГ) с семантикой синхронной локализации (*в тот день, на следующую год*) в четырех финно-угорских языках: двух мордовских — эрзянском и мокшанском — и двух марийских — луговом марийском и горномарийском.

В то время как падежным системам в целом и системам пространственных падежей в частности в типологии и дескриптивной

лингвистике уделено большое внимание ([Ганенков 2002; Malchukov, Narrog 2008; Luraghi 2014], среди прочих), исследований, посвященных маркированию темпоральных выражений как системе, практически не существует. Наиболее подробным исследованием темпоральных выражений является типологическая классификация, предложенная М. Хаспельматом [Haspelmath 1997]. Работа М. Хаспельмата в первую очередь ориентирована на определение семантических типов ТИГ, кодируемых по-разному в языках мира (*в этот день vs до этого дня vs через три дня* и т. д.). В данной же статье, с опорой на классификацию М. Хаспельмата, подробно рассматривается морфосинтаксическое маркирование одного из семантических типов ТИГ — синхронной локализации¹ (*в тот день, зимой, ранним утром*) в рамках каждого конкретного языка. В частности, исследуется влияние присутствия именных модификаторов в ТИГ на способ ее оформления. На основе взаимодействия именных модификаторов и маркирования будет показано, что некоторые словарные формы, занесенные в словари как лексикализованные наречия, следует рассматривать как ИГ, получающие маркирование в процессе синтаксической деривации. Аргументом в пользу такой точки зрения служит тот факт, что появление определенных типов маркирования не исключает модификации ТИГ различными типами именных зависимых. Таким образом, несмотря на то что некоторые аффиксы, образующие темпоральные выражения, имеют ограничения на тип модификатора и лексему в вершине ИГ, к которой они могут присоединяться, образованные с их помощью формы не могут считаться застывшими словарными единицами.

Кроме того, наряду с выделяемыми в [Haspelmath 1997] подтипами синхронной локализации, обозначающими конкретный момент времени (час, время суток, год), будет рассмотрено так называемое абстрактное время, не указывающее на конкретную меру времени, а отсылающее к периоду времени в целом (*в то время, в эти дни*).

Исследование выполнено на материале текстов Нового Завета. Как для русского, так и для четырех финно-угорских языков были

¹ «Simultaneous location» в терминологии М. Хаспельмата [Haspelmath 1997].

размечены следующие книги: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых Апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.)².

Корпусная методология для исследования с ориентацией на тонкости маркирования в зависимости от наличия модификаторов и их типа имеет некоторые ограничения. Во-первых, заведомо исключено наличие отрицательного материала; во-вторых, полностью отсутствует контроль стимулов; в-третьих, тексты Нового Завета являются переводами и могут содержать, например, кальки [Wälchli 2007: 131]; наконец, лексический и грамматический выбор в текстах принадлежит конкретному человеку — переводчику, что не отражает диалектную и идиолектную вариативность. Помимо того, в одних и тех же контекстах по языкам наблюдается варьирование в наличии / отсутствии модификации ТИГ, что может быть связано с вольностью перевода. Таким образом, разметка синтаксических контекстов для определения морфологического маркирования должна осуществляться для каждого языка отдельно. Данная статья является примером того, что исследование на материале корпуса Нового Завета возможно даже для таких специфических целей. Несмотря на данные ограничения, исследования, проводимые на богатом материале корпуса текстов Нового Завета, могут быть необходимым начальным этапом более подробного, типологически ориентированного описания систем маркирования темпоральной семантики в языках мира³.

² Авторское право на использованные тексты принадлежит Институту перевода Библии; тексты доступны по ссылке: <http://finugorbib.com/index.html>. Переводы относятся к недавнему времени и должны отражать современное состояние исследуемых языков: эрзянский и луговой марийский — 2013 г., горномарийский — 2014 г., мокшанский — 2016 г. Каждый из переводов осуществлен носителем соответствующего языка.

³ См., например, [de Vries 2007] об использовании корпуса Нового Завета для типологических исследований.

Данная статья имеет следующую структуру. В *Разделе 2* вводится понятие ТИГ и описывается процедура разметки корпуса. *Раздел 3* посвящен обзору имеющихся в грамматических описаниях данных о маркировании ТИГ в мордовских и марийских языках. В *Разделе 4* подробно рассматриваются контексты на каждый из типов ТИГ синхронной локализации. В *Разделе 5* обсуждается статус немаркированных форм, наречных форм и генитива как маркера ТИГ. В *Разделе 6* приводятся выводы и пути дальнейшего исследования систем ТИГ.

2. ТИГ и разметка корпуса

В данном исследовании, как и в [Haspelmath 1997], рассматриваются исключительно выражения, имеющие в своей основе ИГ (*в тот день*)⁴. М. Хаспельмат определяет их как «темпоральные адвербиалы, связывающие ситуацию с моментом времени, выраженным ИГ»⁵. Некоторые ИГ выражены одним вершинным существительным (1а), другие же содержат модификаторы (1б).

(1) а. *Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в Субботу* ⟨...⟩ [Мф. 24:20]

б. *На другой день* опять стоял Иоанн и двое из учеников его. [Ин. 1:35]

Как видно из (1), рассматриваемые темпоральные выражения могут представлять собой ИГ в косвенном падеже (*зимою*) или же быть частью адложной группы (*в субботу, на другой день*). В данной работе мы считаем любые из перечисленных темпоральных выражений ТИГ, фокусируясь на том, что любая адложная группа так или иначе

⁴ Прототипические наречия, такие как *завтра*, не рассматриваются.

⁵ “⟨...⟩ Temporal adverbials which relate a situation to a reference time expressed by a noun phrase.” [Haspelmath 1997: 2].

содержит ИГ, оставляя за кадром тонкости синтаксического анализа падежного и послеложного оформления⁶.

Первичная разметка осуществлялась на основе русского Синодального перевода. Поскольку форма темпоральных выражений разнится от языка к языку (или даже от перевода к переводу), в разметку вошли в том числе и временные контексты, представленные в русском переводе не ТИГ, а клаузальными парафразами. Такие контексты в некоторых языках содержат ТИГ на месте временной придаточной клаузы в русском языке, ср. пример (2) из мокшанского и его русское соответствие, данное в строке перевода.

- МОКШАНСКИЙ
- (2) *Илять* *Иисус са-сь* *то-в*
 вечер.DEF.SG.GEN Иисус приходить-PST.3SG тот-LAT
кемгафтуво-тне-нь мархта.
 двенадцать-DEF.PL-GEN с

‘**Когда настал вечер**, Он приходит с двенадцатью’⁷. [Мк. 14:17]

Каждому вхождению ТИГ был сопоставлен тег, соответствующий одной из функций в классификации, предложенной в [Haspelmath 1997]:

- (i) Синхронная локализация (simultaneous location): *ночью, в тот день*;
- (ii) Последовательная локализация (sequential location): *перед обедом, после этого*;
- (iii) Последовательно-дуративная локализация (sequential-durative): *с утра, до вечера*;

⁶ То, как представлены косвенные падежи и послелог в синтаксисе и не являются ли косвеннопадежные ИГ послеложными группами со структурной точки зрения, является вопросом теоретических дебатов ([McFadden 2004, 2021], среди прочих).

⁷ Здесь и далее в качестве строки перевода приводится соответствующая строка из русского перевода текста, что может не дословно соответствовать строке на исходном языке. Ключевые темпоральные выражения выделены полужирным шрифтом в обеих строках. Дословный перевод при необходимости может быть восстановлен по строке глосс.

- (iv) Дистантная локализация (temporal distance): *через три года*;
- (v) Протяженная локализация (temporal extent): *сорок дней*.

В данной статье мы фокусируемся на первом типе — синхронной локализации. Данный тип характеризуется большой вариативностью маркирования как по языкам, так и в рамках одного языка. Так, маркирование во многом зависит от онтологического типа сущности, обозначаемой вершинным именем. Например, в русском языке *неделя* и *год* требуют использования различных предлогов: *на той неделе*, *в том году*. М. Хаспельмат предлагает следующие подтипы синхронной локализации⁸: (а) «час»; (б) «время суток»; (в) «день»; (г) «месяц»; (д) «сезон»; (е) «год»; (ж) «праздник». Всего в корпусе Нового Завета, на основе русского текста, было найдено 292 соответствующих контекста. Каждому из отобранных контекстов момента времени был присвоен один из данных подтипов.

В данном исследовании мы ограничиваемся ТИГ с конвенциональными единицами обозначения времени в вершине. 26 темпоральных контекстов, содержащих группу (ж) «праздник», наряду с названиями событий и прочими неконвенциональными единицами (3), ниже не рассматриваются. Однако вместо группы (ж) «праздник» была добавлена дополнительная группа обозначения абстрактного момента времени, без указания на конкретную меру (час, время суток, сезон и т. д.) и содержащая непосредственно лексему со значением ‘время’ (*в то время*).

- (3) а. <...> *Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.* [Мф. 26:5]

б. *Так будет при кончине века* <...> [Мф. 13:40]

42 контекста подтипа «день» содержат в вершине ТИГ конкретный день недели. Такие контексты отличаются большой вариативностью маркирования из-за различия в референциальном статусе

⁸ М. Хаспельмат использует корпус Нового Завета в своем исследовании и отмечает, что все выделенные им семантические контексты представлены в корпусе.

(конкретно-референтный *в ту субботу* vs генерический *в субботу* [должно ли делать добро]). Поскольку прочие контексты в корпусе не отличаются последовательно такой вариативностью, вопрос о влиянии референциального статуса остается за рамками данной статьи. Было принято решение не рассматривать дни недели, подобно названиям праздников (названия конкретных месяцев в текстах не встретились). Таким образом, для рассмотрения было оставлено 224 контекста. Распределение рассматриваемых контекстов с тегами представлено в *Таблице 1*.

Таблица 1. Распределение контекстов в корпусе по подтипам

Table 1. The distribution of the contexts in the corpus

Подтип	Пример	Тег	Число
Час	<i>в шестом часу</i>	Hour	14
Время суток	<i>вечером</i>	Day_part	50
День	<i>на следующий день</i>	Day	100
Месяц	<i>в шестой месяц</i>	Month	1
Сезон	<i>зимой</i>	Season	1
Год	<i>в тот год</i>	Year	3
Абстрактное время ⁹	<i>в то время, в те дни</i>	Time	55

Из *Таблицы 1* видно, что не все подтипы представлены достаточным количеством контекстов и распределение неравномерно. Однако при условии, что каждый подтип представлен в языке хотя бы одним контекстом, можно получить общую картину системы маркирования ТИГ в целом.

Помимо первичной разметки, была осуществлена внутриязыковая разметка конкретных лексем и типов модификаторов. Поскольку временные маркеры, не только чувствительны к семантике (подтипу

⁹ Термин «абстрактное время» не является точным, поскольку любое время в некоторой степени абстрактно. На данный момент я оставляю этот термин за неимением более удачного.

временных отношений по М. Хаспельмату), но также имеют и лексические ограничения (см. также [Рожанский, Маркус 2021] о частях суток и сезонах в водском и ижорском), для каждого языка была размечена конкретная лексема, стоящая в вершине ТИГ и присоединяющая показатель. Такая лексическая разметка особенно важна для случаев, когда один тип заведомо представлен несколькими лексемами, как, например, время суток: ср. англ. *at night* ‘ночью’, но *in the morning* / **at morning* ‘утром’. Лексическая разметка также является необходимой в случаях, когда одна и та же лексема представлена в ТИГ разных подтипов. Так, например, лексема *день* встречается и для обозначения типа «день» (4а), и для обозначения типа «абстрактное время» (4б).

(4) а. **На другой день**, когда они вышли из Вифании, Он взялкал <...> [Мк. 11:12]

б. **В те дни** взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. [Лк. 6:12]

Поскольку наличие модификатора отмечается как фактор, влияющий на выбор маркирования темпоральной ИГ [Мосина 2014; Pleshak, Petelin 2019], каждая ТИГ была размечена на наличие / отсутствие модификатора отдельно для каждого языка. В итоге для рассмотрения по данному корпусу были отобраны следующие типы модификаторов (по причине их достаточно надежной встречаемости в корпусе Нового Завета): порядковые числительные (*третий*, *шестой*), прилагательные (*другой*, *следующий*), указательные местоимения (*тот*, *этот*), генитивные зависимые (<<день>> *недели*, <<дни>> *Ноя*). Прочие модификаторы, встречающиеся в корпусе спорадически (количественные числительные, относительные придаточные) или способные нетривиальным образом нейтрализовать маркирование (универсальные кванторные слова), из рассмотрения были исключены.

Наконец, для каждого из примеров был также размечен способ маркирования: падеж (например, элатив «EL»), послелог или наречный аффикс (например, «старый» локатив «LOC»); неоформленные ТИГ получали помету «bare».

Таким образом, помимо общей семантической разметки, которая может служить основой для типологических исследований, была также проведена внутриязыковая разметка конкретных ТИГ, которая должна осуществляться заново для каждого языка. Была также проведена конкретно-языковая морфосинтаксическая разметка.

3. Проблема описания ТИГ в мордовских и марийских грамматиках

3.1. Краткий сравнительный обзор морфосинтаксических средств, используемых в мордовских и марийских языках

Прежде чем углубляться в подробности маркирования ТИГ в мордовских и марийских языках, необходимо рассмотреть системы морфосинтаксических средств в каждом из языков: показатели пространственных падежей, наличие специализированного маркера темпоралиса и наречные показатели, а также функции генитива и немаркированной, или абсолютной формы.

Мордовские языки обладают следующими пространственными падежами: инессив, элатив, латив-иллатив (в некоторых грамматиках мокшанского поделенный на латив и иллатив, см. [Холодилова 2018]) и пролатив. Помимо прочих, в функции мордовского элатива входит адвербиализация. В марийских языках выделяются инессив, латив и иллатив. Несмотря на наличие непространственных функций, в качестве адвербиализаторов марийские пространственные падежи не выступают. Инвентарь пространственных падежей в четырех рассматриваемых языках приведен в *Таблице 2*.

Согласно [Коляденков 1962], мордовские языки обладают словообразовательными суффиксами, образующими наречия времени. Эти суффиксы являются следами исчезнувших временных падежей. Инвентарь эрзянского языка незначительно превосходит инвентарь мокшанского. Обобщенные данные с возможностью сопоставления когнатов для эрзянского и мокшанского представлены

Таблица 2. Инвентарь суффиксов для образования наречий времени и застывшие формы бывшего темпоралиса

Table 2. Markers deriving temporal adverbs and fossilized temporalis

Падеж	эрз.	мокш.	луг. мар.	горномар.
инессив	-со / -сэ	-са / -ца	-што / -ште	-штты / -штты́
элатив	-сто / -стэ	-ста / -цта		
латив	-в	-в / -у / -и	-ш / -еш	-еш
иллатив	-с	-с / -ц	-ш(ко) / -ш(ке)	-ш(кы) / -ш(кы́)
пролатив	-ва / -ка / -га	-ва / -ка / -га / -ге		

в Таблице 3. В марийских языках особых морфем для обозначения времени нет.

Таблица 3. Инвентарь суффиксов для образования наречий времени и застывшие формы бывшего темпоралиса

Table 3. Markers deriving temporal adverbs and fossilized temporalis

Значение	эрзянский	мокшанский
ADV	-на / -ня	-(н)да
ADV	-а	
ADV	-не	-ня
ADV	-ть	-т / -ть
ADV	-ак / -як	-ак / -як

Показатель генитива определенного склонения (совмещающий падежный показатель и показатель определенности) в единственном числе отличается от суффикса наречия времени в эрзянском (ср. генитив *-нть* и наречный суффикс *-ть*) и совпадает с ним по форме в мокшанском (ср. генитив *-ть* и наречный суффикс *-ть*). Во множественном же числе генитивный показатель в обоих языках имеет форму, отличную от суффикса наречия времени: *-тнень / -тнэнь* в эрзянском и *-нень / -тнень* в мокшанском.

В марийских языках показатель генитива *-н* омонимичен адвербиализатору, и в [Alhoniemi 1993: 51] образование наречий рассматривается как одна из функций генитива. В некоторых же грамматиках выделяется два омонимичных показателя *-н* [Пенгитов и др. 1964; Саваткова 2002].

Во всех четырех языках выборки номинатив не имеет открытого выражения и, таким образом, неотличим от немаркированной формы, характерной для обозначения временной семантики [Haspelmath 1997].

3.2. ТИГ в мордовских языках

ТИГ в эрзянском языке рассматриваются в работе [Мосина 2014] как выражение глубинной семантической роли темпоратива. Приводится семантическая классификация временных значений с последующим сопоставлением каждого значения с морфологическим выражением. В этой работе представлены основные виды маркирования для выделяемых типов, а также отмечены различия в выборе показателя в зависимости от наличия модификаторов и значения определенности, однако работа носит описательный характер, без последующего сравнительного анализа стратегий маркирования.

Согласно существующим описаниям, система эрзянского языка представляется довольно простой: в подавляющем большинстве случаев ТИГ синхронной локализации маркируются элативом. Приводится и ряд показателей, считающихся наречными: при временах года и частях суток, если отсутствует модификация, используются маркеры *-на/-ня* и *-ть* соответственно. Лексически ограниченный маркер *-не* указывается как маркер фреквентатива (*каждый день*) и «неточного времени» [Fodor 2004], однако определения того, что такое «неточное время» не дается. В [Fodor 2004] указываются и мокшанские когнаты эрзянских показателей, что предполагает изоморфизм эрзянской и мокшанской систем маркирования темпоральных ИГ¹⁰.

¹⁰ Работы, посвященные исключительно темпоральным выражениям в мокшанском, автору не известны.

Ни номинатив, ни немаркированная, абсолютная форма [Бубрих 1953] в обсуждении наречий времени не фигурируют¹¹. Однако некоторые формы, совпадающие с немаркированными (или номинативными), занесены в словари в качестве наречий [Щанкина и др. 2011].

3.3. ТИГ в марийских языках

В основном сведения о маркировании ТИГ в марийских языках доступны из разделов о функциях падежей в описательных грамматиках [Пенгитов и др. 1961: 67; Alhoniemi 1993: 49–58; Саваткова 2002: 251]. Функция маркирования обстоятельств времени, с некоторой вариативностью по различным грамматикам, указывается для номинатива, генитива, аккумулятива, инессива и иллатива. Конкретный семантический класс темпоральных выражений в грамматиках не указывается, и приводятся лишь немногочисленные примеры. Краткий обзор темпоральных употреблений по лексемам есть и в монографии Э. Кангасмаа-Минн [Kangasmaa-Minn 1969: 99–103], посвященной генитиву.

В недавней статье [Pleshak, Petelin 2019] также дается описание маркирования темпоральных выражений в горномарийском языке, однако в этой работе в первую очередь обсуждается теоретический вопрос приписывания падежа, и авторы не вдаются в интересующие нас вопросы о влиянии наличия именных модификаторов на выбор маркирования в ИГ.

¹¹ Поскольку номинатив в мордовских и марийских языках не имеет открытого морфологического выражения, проблема различения немаркированной и номинативной формы стоит достаточно остро. В данном исследовании временные выражения без открытого морфологического маркирования считаются немаркированными (см. *Раздел 5*). Однако при обсуждении данных из описательных грамматик беспадёжные формы названы номинативными.

3.4. Вопросы о немаркированной форме, словообразовании наречий, генитиве и изоморфизме систем родственных языков

Большинство теоретических работ о темпоральных выражениях посвящено вопросу о том, каким образом ТИГ оказываются в немаркированной форме ([Bresnan, Grimshaw 1978; Larson 1985, 1987; Kobayashi 1999], среди прочих). Такая постановка вопроса обусловлена тем, что в основном теоретические работы опираются на данные английского языка, где многие темпоральные ИГ не маркируются предлогом, подобно локативным выражениям, а выступают в немаркированной форме:

(5) *The same day there came certain of the Pharisees*

‘В тот день пришли некоторые из фарисеев <...>’ [Лк. 13:31]

В свою очередь в работах, посвященных мордовским и марийским языкам (носящих в основном описательный характер), наличие немаркированных темпоральных ИГ не упоминается. Единственным исключением является теоретически ориентированная работа [Pleshak, Petelin 2019], рассматривающая ряд лексем, не имеющих маркирования.

В данном исследовании мы рассмотрим распределение немаркированных форм и определим их место в системе финно-угорских ТИГ.

Отдельный интерес вызывают темпоральные показатели, насчет которых не сложилось консенсуса. Так, в [Мосина 2014; Fodor 2004] показатели *-на/-ня*, *-нэ/-не* и *-ть* считаются словообразовательными наречными суффиксами. Однако некоторые исследователи рассматривают данные показатели как падежные показатели темпоралиса [Феоктистов 1993: 183; Плаксина 2002: 86; Холодилова 2018]. В том случае, если данные суффиксы способны присоединяться не только к основам существительных, но и к целым ИГ, образуя темпоральные выражения, необходимо пересмотреть статус данных показателей как словообразовательных суффиксов, образующих наречия

от существительных. По результатам данного исследования мы будем считать такие показатели наречными суффиксами, присоединяющимися к ИГ в процессе построения предложения, а не к существительным в лексиконе.

Особое место среди падежей, маркирующих ТИГ, занимает в исследуемых финно-угорских языках генитив. В мокшанском языке показатель мордовского темпоралиса на *-ть*, восходящий к старому локативу [Мосина 2008], по форме совпадает с генитивом в определенном склонении единственного числа, и по этой причине темпоральная функция рассматривается в [Холодилова 2018: 81–82] как одна из функций генитива. Единственное упоминание темпоральной функции генитива в более старых грамматических описаниях находится в [Кудаев 1988], где и для эрзянского, и для мокшанского приведен один пример с лексемой со значением ‘день’ во множественном числе. Важно отметить, что генитив множественного числа, в отличие от генитива единственного числа в мокшанском, не совпадает по форме с потенциальным темпоралисом / адвербиальным *-ть*. В марийских языках также наблюдается омонимия формы генитива и показателя наречия (*-н*). Так, например, А. Алхониemi считает марийские темпоральные ИГ, маркированные показателем *-н*, генитивными [Alhoniemi 1993: 51]. В качестве генитивного рассматривается показатель *-н* и в [Pleshak, Petelin 2019] для горномарийского, и в [Kangasmaa-Minn 1969] для лугового марийского. А. А. Саваткова же в грамматике горномарийского относит соответствующие формы к наречным [Саваткова 2002: 251]. В *Разделе 5*, сравнивая употребления данных суффиксов как внутри одного языка, так и между языками, мы обсудим возможность наличия темпоральной функции у генитива в мордовских и марийских языках.

Наконец, для каждой пары близкородственных языков мы рассмотрим, насколько системы маркирования ТИГ оказываются параллельны с точки зрения использования когнатов в одних и тех же контекстах.

4. Маркирование ТИГ в мордовских и марийских переводах Нового Завета

В данном разделе будут рассмотрены стратегии маркирования ТИГ в контекстах, соответствующих каждому из семантических подтипов: «час» (*Раздел 4.1*), «время суток» (*Раздел 4.2*), «день» (*Раздел 4.3*), «месяц», «сезон», «год» (*Раздел 4.4*) и «абстрактное время» (*Раздел 4.5*), для каждого из четырех языков. Подтипы «месяц», «сезон» и «год» представлены немногочисленными контекстами и потому объединены в один раздел.

4.1. Час

Контексты с указанием на час в большинстве случаев содержат выраженный маркер приблизительности, и наличие / отсутствие такого маркера в каждом контексте варьируется от языка к языку, см. эрзянский пример (6) и его русский эквивалент в строке перевода.

- ЭРЗЯНСКИЙ
- (6) *Са-с-ть* *ветеце* *час-сто* *сиведез-тне,*
 прийти-РСТ.3-PL одиннадцатый час-EL наемник-DEF.PL
- ‘И пришедшие **около одиннадцатого часа** (получили по динарию)’¹². [Мф. 20:9]

В мордовских языках при наличии приблизительности используется послеложная конструкция, что нейтрализует исходное маркирование, ср. эрзянские примеры (6) с элативом и (7) с послелогом *малав* ‘около’, управляющим генитивом. Параллельная ситуация с послелогом *малава* ‘около’ наблюдается в мокшанском. По этой причине для определения основной стратегии маркирования ТИГ данного подтипа для каждого из мордовских языков были отобраны примеры, не содержащие маркер приблизительности: шесть контекстов в эрзянском и пять контекстов в мокшанском.

¹² В эрзянском примере дословно сказано ‘в одиннадцать часов’.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (7) *Колмоце час-онть малав Иисус верьга*
 девятым час-DEF.SG.GEN около Иисус высокий

вайгель-ть пижакад-сь:
 голос-LOC.T крикнуть-PS.T.3SG

‘⟨...⟩ **А около девятого часа** возопил Иисус громким голосом: ‘Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?’ [Мф. 27:46]

В эрзянском языке лексема *час* ‘час’ присоединяет элатив (6). В случае модификации указательным местоимением, на вершине появляется также показатель определенности, однако падежное маркирование не изменяется (8).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (8) *ды се час-сто-нть, кона-до-нть а арсияк.*
 и тот час-EL-DEF.SG который-ABL-DEF.SG NEG думать

⟨...То придет господин раба того в день, в который он не ожидает,⟩ ‘и **в час**, в который не думает ⟨...⟩’ [Лк. 12:46]

В мокшанском языке при отсутствии маркера приблизительности лексема *част* ‘час’ присоединяет инессив в четырех контекстах (9а) и элатив в одном (9б). Можно предположить, что элативное маркирование используется из-за влияния не только близкородственного, но и контактно близкого эрзянского, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования. Модификации указательным местоимением среди мокшанских примеров не встретилось.

МОКШАНСКИЙ

- (9) а. *Са-с-ть кефкиеце част-са сивотьф-не*
 прийти-PS.T.3-PL одиннадцатый час-IN наемник-DEF.PL

‘И пришедшие **около одиннадцатого часа** ⟨получили по динарию⟩’. [Мф. 20:9]

- б. *и вейхскоце част-ста озондо-нь куд-со-н.*
 и девятый час-EL молиться-PS.T.1SG дом-IN-POSS.1SG

‘⟨...⟩ **И в девятом часу** молился в своем доме ⟨...⟩’ [Деян. 10:30]

В луговом марийском используется инессивное маркирование (10), а в горномарийском — генитивное (11), (12а) и инессивное (12б), однако последнее зафиксировано лишь в контекстах с приблизительностью. В отличие от мордовских языков, в горномарийском языке наличие маркера приблизительности не нейтрализует исходное маркирование (12а)–(12б), и потому в рассмотрение могут быть приняты все найденные контексты (всего 8 контекстов для горномарийского: четыре контекста с маркером приблизительности и четыре без)¹³. Наличие указательного местоимения на маркирование в марийских языках также не влияет (13).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (10) *да палы-дыме шагат-ыште тол-ын*
и знать-NEG.ATTR час-IN приходит-СVB

лект-еш.

выходить-NPST.3SG

‘⟨...⟩ То придет ⟨господин раба того в день, в который он не ожидает,⟩ и **в час, в который не думает** ⟨...⟩’ [Мф. 24:50]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (11) *дä шаны-дымы цйш-бн тол-ын*
и знать-NEG.ATTR час-GEN приходит-СVB

лйкт-еш.

выходить-NPST.3SG

‘⟨...⟩ То придет ⟨господин раба того в день, в который он не ожидает,⟩ и **в час, в который не думает** ⟨...⟩’ [Лк. 12:46]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (12) а. *Кымышы цйш кытла-н тбдыбы эче олицй-ш*
третий час APPR-GEN тот еще улица-ILL

лйкт-бн

выйти-PRET

¹³ Для лугового марийского нашлось всего четыре соответствующих контекста, однако все они маркированы инессивом и ни один из них не содержит маркер приблизительности.

‘⟨...⟩ Выйдя **около третьего часа**, ⟨он увидел других, стоящих на торжище праздн...⟩’ [Мф. 20:3]

б. *Бӱндеки цаӓ кытла-шты Исус кого юк*
 девять час APPR-IN Исус большой голос
доно сьӓбрӓл колт-ен
 с крикнуть.CVB посылать-PRET

‘⟨...⟩ А **около девятого часа** возопил Исус громким голосом ⟨...⟩’ [Мф. 27:46]

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

(13) а. *Йӱд-ым, тудо шагат-ышт=ак,*
 ночь-ACC тот час-IN=EMPH

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

б. *Йӱд-ым, тӱ цаӓ-ӱн=ок,*
 ночь-ACC тот час-GEN=EMPH

‘⟨И, взяв их⟩ **в тот час** ночи, ⟨он омыл раны их и немедленно крестился сам и все [домашние] его⟩’. [Деян. 16:33]

Таким образом, во всех языках выборки (за исключением мокшанского, для которого в корпусе не нашлось соответствующих примеров) маркирование темпоральной ИГ с лексемой, обозначающей ‘час’, не зависит от типа модификатора. Немодифицированных ТИГ данного типа в корпусе не встретилось.

Мордовские языки и луговой марийский используют характерное для обозначения момента времени маркирование одним из пространственных падежей, тогда как горномарийский использует в качестве основного маркера генитив. Уже на данном этапе сопоставления систем можно отметить, что, несмотря на параллелизм систем пространственных падежей, в каждой из пар близкородственных языков в области ТИГ, обозначающих подтип «час», маркирование расходится.

4.2. Части суток

4.2.1. Немодифицированные ТИГ

В мордовских (14а)–(14б) и горномарийском (14в) лексема со значением ‘утро’ в основном¹⁴ выступает в немаркированной форме, тогда как в луговом марийском используется словоформа *эрдене*, трактуемая в грамматиках как наречная (14г) [Пенгитов и др. 1961: 274].

ЭРЗЯНСКИЙ

- (14) а. **Валске=як** *корта-тадо*:
 утро=PTCL говорить-NPST.2PL

МОКШАНСКИЙ

- б. а **шобдава**:
 а утро

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- в. А **ирок** *иры́ тӓ поп-едӓ*:
 а утро рано вы говорить-NPST.2PL

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- г. А **эр-дене** *эрак те калас-еда*:
 а утро-сом рано вы говорить-NPST.2PL

‘⟨...⟩ И **поутру**: ⟨сегодня ненастье, потому что небо багрово⟩’.
 [Мф. 16:3]

Несмотря на то, что внутренняя форма луговомарийской лексемы *эрдене*, занесенной в словари как наречие со значением ‘утром’, не обсуждается, корень *эр* ‘утро’ выделяется довольно отчетливо. Среди аффиксов, образующих наречия, единица *-дене* не встречается, однако можно предположить, что *эрдене* является лексикализованной формой, образованной посредством комитативно-инструментального послелого *дене*.

¹⁴ См. ниже об употреблении в данном контексте комитативного послелого в эрзянском.

Комитативно-инструментальная стратегия зафиксирована и в эрзянском корпусе (15). Нужно отметить, что в упомянутых выше грамматических описаниях среди функций послелогога *маркто* ‘с’ маркирование ТИГ не отмечалось.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (15) *Валске марто чоподава Иисус стя-сь*
 утро с затемно Иисус вставить-PST.3SG

‘А утром, встав весьма рано, (вышел и удалился в пустынное место, и там молился)’. [Мк. 1:35]

Лексемы со значением ‘вечер’ в эрзянском и луговом марийском следуют той же стратегии, что и лексемы со значением ‘утро’. В эрзянском использована немаркированная форма (16а), а в луговом марийском — лексикализованная комитативно-инструментальная форма (16б). Как и в случае с *эрдене*, форма *кастене* приводится в словарях как наречие. В *Разделе 5* наречный статус подобных лексикализованных форм обсуждается подробнее.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (16) а. *Чокине тынь корта-тадо*
 вечер вы говорить-NPST.2PL

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- б. *Кас-тене те ойл-еда*
 вечер-COM вы говорить-NPST.2PL

‘(Он же сказал им в ответ:) **вечером** вы говорите: (будет вёдро, потому что небо красно...)’ [Мф. 16:2]

В свою очередь мокшанский и горномарийский используют для лексем со значением ‘вечер’ особые показатели. В мокшанском употребляется наречная форма на *-ть* (17а), а в горномарийском лексема *вады* ‘вечер’ получает лативное оформление (17б).

МОКШАНСКИЙ

- (17) а. *Илять тынь корхта-тада*
 вечер-DEF.SG.GEN вы говорить-NPST.2PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

б. *Вад-еи тă поп-едă*

вечер-LAT вы говорить-NPST.2PL

‘(Он же сказал им в ответ:) **вечером** вы говорите: <«будет вѣдро, потому что небо красно»...>’ [Мф. 16:2]

Наконец, лексема со значением ‘ночь’ в обоих мордовских языках выступает в наречной форме на *-ть* (18а)–(18б), а в марийских языках оформляется аккузативом (18в)–(18г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (18) а. *саи-зе* *Эйкакишо-нтъ* *ава-нзо*
 взять-PST.3SG.S.3SG.O ребенок-DEF.SG.GEN мать-POSS.3SG
марто ды ве-ть ту-сь Египет-эв.
 с и ночь-LOC.T идти-PST.3SG Египет-LAT

МОКШАНСКИЙ

- б. *сяво-зе* *Ид-ня-ть*
 взять-PST.3SG.S.3SG.O ребенок-DIM-DEF.SG.GEN
тядя-нц мархта, и ве-ть
 мать-3SG.POSS.SG.GEN с и ночь-DEF.SG.GEN¹⁵
ту-сь Египет-у.
 идти-PST.3SG Египет-LAT

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *йўд-ым Икшывы-м да Туды-н Ава-жы-м*
 ночь-ACC дитя-ACC и тот-GEN мать-POSS.3SG-ACC
пырля нал-ын да Египет-ыи ка-ен.
 вместе братъ-PRET и Египет-ILL идти-PRET

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *йыд-ым Тетя-м дă Тыд-ын А́вă-жы́-м*
 ночь-ACC ребенок-ACC и тот-GEN мать-POSS.3SG-ACC

¹⁵ Поскольку, как будет показано ниже, в мокшанском показатель *-ть* совпадает с генитивом единственного числа и чередуется с генитивным показателем *-тнень* во временных множественных контекстах, было принято решение считать показатель *-ть* в мокшанском генитивом, а не наречным суффиксом.

сага-жы *нӓл-ӓн* *дӓ* *Египет-ӓиш* *ке-ен.*
около-POSS.3SG братъ-PRET и Египет-ILL идти-PRET

‘(Он встал,) взял Младенца и Матерь Его **ночью** и пошел в Египет’. [Мф. 2:14]

Таким образом мы видим следующее распределение: в мокшанском ‘вечер’ и ‘ночь’ получают одинаковое маркирование (*-ть*), тогда как в эрзянском для лексем со значением ‘ночь’ используется специальный показатель (*-ть* в противопоставление немаркированной форме для ‘вечер’). Что касается марийских языков, в луговом марийском морфосинтаксическое оформление лексемы *йӱд* ‘ночь’ отличается от *эр* ‘утро’ и *кас* ‘вечер’, получающих одинаковое комитативное маркирование, тогда как в горномарийском все три вида времени суток маркированы различно. В *Таблице 4* обобщены данные по четырем языкам.

Таблица 4. Маркирование частей суток

Table 4. Day parts marking

Значение	эрз.	мокш.	луг. мар.	горномар.
‘утро’	bare	bare	COM	bare
‘вечер’	bare	LOC.T	COM	LAT
‘ночь’	LOC.T	LOC.T	ACC	ACC

4.2.2. Модифицированные ТИГ

Не на каждую из лексем в каждом из языков можно найти контекст с ее модификацией. Единственным примером с модификатором при лексеме ‘утро’ является пример (19) из мокшанского Нового Завета. В нем ИГ маркирована темпоралисом.

- МОКШАНСКИЙ
(19) *Омбоце шобдава-ня* *смоква шуфто-ня-ть*
другой утро-TMPRL смоква дерево-DIM-DEF.SG.GEN

вакс-ка ёта-м-ста синь ня-езь:
около.ILL-ADD пройти-INF-EL они видеть-PST.3.O.3.S.PL.S

‘**Поутру**, проходя мимо, увидели, что смоковница <засохла до корня>’. [Мк. 11:20]

Для лексемы ‘вечер’ встретился один контекст, содержащий генитивное зависимое, в эрзянском переводе (20). Аргументом в пользу того, что ‘этот день’ является зависимым ИГ, служит то, что в эрзянском лексема ‘день’ при обозначении момента времени присоединяет не генитив, а элатив (см. *Раздел 4.3*).

ЭРЗЯНСКИЙ
(20) *Теке чи-нтъ чокине Иисус мер-сь*
этот день-DEF.SG.GEN вечер Иисус сказать-PST.3SG
тонавтниця-нстэнь:
учащийся-3SG.POSS.PL

‘**Вечером того дня** сказал им: <переправимся на ту сторону>’.
[Мк. 4:35]

Лексема со значением ‘ночь’ в ряде контекстов модифицирована указательным местоимением. В этом случае в мордовских языках показатель *-ть* не используется. В эрзянском корпусе темпоральные ИГ с указательным местоимением маркируются элативом с показателем определенности (21а), а в мокшанском — специализированным показателем темпоралиса *-на/-ня*¹⁶ (21б). В марийских языках различия в маркировании по сравнению с немодифицированной формой не наблюдается, и при наличии указательного местоимения используется аккузатив (21в)–(21г).

ЭРЗЯНСКИЙ
(21) а. *ансяк се ве-стэ-нтъ мезе-як эз-ть*
только тот ночь-EL-DEF.SG ничто-ADD NEG.PST.3-PL
кунда.
ловить.CN

¹⁶ Далее в статье мы будем отсылать к данному суффиксу только при помощи его основного алломорфа *-ня*.

МОКШАНСКИЙ

б. *аньцек мезе-вок ашес-ть кунда*
 ТОЛЬКО НИЧТО-ADD NEG.PST.3-PL ЛОВИТЬ.CN

ся ве-ня.

ТОТ НОЧЬ-TMPR1

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

в. *но тудо йўд-ым ни-мо-м куч-ен огытыл.*
 но тот НОЧЬ-ACC NEG-ЧТО-ACC ЛОВИТЬ-CVB NEG.PST.3PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

г. *но тбы йыд-ым ни-ма=т кычы-дел-ыт.*
 но тот НОЧЬ-ACC NEG-ЧТО=ADD ЛОВИТЬ-NEG.PRET-3PL

‘(Пошли и тотчас вошли в лодку,) и не поймали **в ту ночь** ничего’. [Ин. 21:3]

Таким образом, при модификации указательным местоимением показатель *-ть* в мордовских языках может заменяться более продуктивными: элативом в эрзянском или темпоралисом в мокшанском. Показатель аккузатива в марийских языках является продуктивным аффиксом, и падежное маркирование темпоральных ИГ в данном узком кругу контекстов оказывается одинаковым.

4.3. День

В отличие от прочих лексем, обозначающих части суток и употребляемых в основном без модификаторов, лексема со значением ‘день’ может также выступать в функции синхронной локализации, отсылающей к конкретному дню. В этом случае именная вершина ‘день’ употребляется исключительно с модификаторами. По этой причине в данном разделе будет рассмотрено маркирование соответствующих темпоральных ИГ с различными типами модификаторов: порядковыми числительными, генитивными зависимыми и указательными местоимениями. Прилагательных в данных контекстах не встретилось.

В эрзянском языке лексема *ши* ‘день’ при модификации порядковым числительным присоединяет элатив неопределенного склонения

(22а), тогда как в мокшанском — темпоральный показатель *-ня* (22б). В обоих марийских языках используется генитивное маркирование (22в)–(22г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (22) а. *ансяк мейле колмоце чи-стэ Сон кулозь-стэ*
 только после третий день-ЕЛ он умерший-ЕЛ
вельм-и».
 воскреснуть--NPST.3SG

МОКШАНСКИЙ

- б. *но колмоце ши-ня Сон вельма-й*
 но третий день-TMPR1 он воскреснуть-NPST.3SG
кулоф-ста».
 умерший-ЕЛ

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *но кумшо кечы-н ылыж кынеш-еш*».
 но третий день-GEN оживать.CVB вставать-NPST.3SG

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *дӱ кымышы кечы-н ылыж кыньбыл-еш*».
 и третий день-GEN оживать.CVB вставать-NPST.3SG

‘...И убьют Его, и в **третий день** воскреснет’. [Мф. 17:23]

Два контекста с генитивными зависимыми при лексеме ‘день’ не представляют собой прототипических посессоров, а выражают отношение дня к конкретному праздничному периоду времени. В данных контекстах содержится также и порядковое числительное, однако наблюдается различие в маркировании. В эрзянском языке сохраняется элативное маркирование, однако появляется маркер определенности, что характерно для эрзянских генитивных групп не только во временных контекстах (23а). В мокшанском же языке при наличии посессора используется не темпоральный показатель, а элатив, а также присутствует посессивное согласование на вершине (23б). В марийских языках наличие генитивного зависимого на маркирование вершины не влияет, ср. (22в)–(22г) и (23в)–(23г).

- ЭРЗЯНСКИЙ
- (23) а. **Ламбам-сто сукоро-нь поки-чи-нь васенце**
 пресный-EL лепешка-GEN большой-день-GEN первый
чи-стэ-нть тонавтниця-нзо моль-с-ть
 день-EL-DEF.SG учащийся-3SG.POSS.PL пойти-PST.3-PL
Иисус вакс-с
 Иисус около-ILL

- МОКШАНСКИЙ
- б. **Аф шапама кши-нь ила-ть васенце**
 NEG кислый хлеб-GEN праздник-DEF.SG.GEN первый
ши-сто-нза Иисус-онди нажяд-с-ть
 день-EL-POSS.3SG Иисус-DAT пойти-PST.3-PL
тонафни-енза
 учащийся-3SG.POSS.PL

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
- в. **Шергинде найрем-ын икымше**
 постная_лепешка праздник-GEN первый
кечы-н-ж-ак тунемшы-ж-влак Иисус
 день-GEN-POSS.3SG=EMPH учащийся-POSS.3SG-PL Иисус
де-ке лишем-ын-ыт
 к-ILL2 близиться-PRET-3PL

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- г. **Шергиндѣ празник-ын пѣтѣриш**
 постная_лепешка праздник-GEN первый
кечѣ-н-ж-ок тыменьшѣ-влѣ-жѣ Иисус
 день-GEN-POSS.3SG=EMPH учащийся-PL-POSS.3SG Иисус
до-кы ми-эн-ѣт
 к-ILL2 приходиться-PRET-3PL

‘В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: 〈где велишь нам приготовить Тебе пасху?〉 [Мф. 26:17]

Один контекст является собственно посессивным. Посессор может быть не выражен генитивной группой открыто,

но присутствовать в качестве посессивного согласования на вершине, как в мордовских языках. В данном контексте мордовские языки используют элативное маркирование (24а)–(24б), а марийские — генитивное (24в)–(24г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (24) а. *истя карм-и неяв-омо Ломан-тне-нь*
 итак статья-NPST.3SG смотреться-INF человек-DEF.PL-GEN
Цёра-сь-как само чи-стэ-нзэ.
 сын-DEF.SG-ADD явление день-EL-POSS.3SG

МОКШАНСКИЙ

- б. *тяфтам-кc ул-и Ломан-ень Цёра-сь-ке*
 такой-TRANS быть-NPST.3SG человек-GEN сын-DEF.SG-ADD
сама ши-сто-нза
 явление день-EL-POSS.3SG

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *Шке кечы-н-же Айдеме Эрге <...> ли-еш.*
 REFL день-GEN-POSS.3SG человек сын статья-NPST.3SG

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *Эдем Эргы йшке кечы-н-жы <...> ли-эш.*
 человек сын REFL день-GEN-POSS.3SG статья-NPST.3SG

‘...Ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба,» так будет Сын Человеческий **в день Свой**. [Лк. 17:24]

Наконец, большое количество контекстов с соответствующими лексемами в вершине ТИГ содержит модификацию указательным местоимением. Данные контексты встречаются как в единственном, так и во множественном числе.

В эрзянском языке при модификации указательным местоимением, подобно случаю с генитивными зависимыми, выбирается элативное маркирование с показателем определенности. При этом наличие показателя числа на выбор падежного показателя не влияет (25а)–(25б).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (25) а. *Се-ке чи-стэ-нть Иисус-нэнь са-с-ть*
 тот-ADD день-EL-DEF.SG Иисус-DAT прийти-PST.3-PL
саддукей-ть,
 саддукей-PL

‘**В тот день** приступили к Нему саддукеи (...)’ [Мф. 22:23]

- б. *Мон вал-са Оймеялт-ом се-ть чи-тне-стэ,*
 я слово-IN дух-POSS.1SG тот-PL день-DEF.PL-EL

‘**И на рабов Моих и на рабынь Моих** в те дни излию от Духа Моего (...)’ [Деян. 2:18]

В мокшанском языке вершинное имя в единственном числе маркируется темпоралисом (26а), тогда как для множественного числа используется генитивное маркирование (26б).

МОКШАНСКИЙ

- (26) а. *Ся-ка ши-ня Иисус-онди са-с-ть*
 тот-ADD день-TMPR1 Иисус-DAT прийти-PST.3-PL
саддукейх-ть,
 саддукей-PL

‘**В тот день** приступили к Нему саддукеи (...)’
 [Мф. 22:23]

- б. *ся ши-тне-нь Мон вал-са Эсь*
 тот день-DEF.PL-GEN я слово-IN REFL
Ваймопожфоз-ень покоди-нень ланг-с:
 душа-GEN рабочий-GEN поверхность-ILL

‘**И на рабов Моих и на рабынь Моих** в те дни излию от Духа Моего (...)’ [Деян. 2:18]

В луговом марийском, как и в мокшанском, маркирование выбирается в зависимости от числа. При отсутствии маркера множественного числа используется генитивное маркирование (27а), а в сочетании с маркером множественного числа — инессивное (27б).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (27) а. *саддукей-влак тудо кечы-н ми-ен-ыт*
 саддукей-PL тот день-GEN приходит-PRET-3PL

‘В тот день приступили к Нему саддукеи (...)’ [Мф. 22:23]

- б. *Тудо кечы-ла¹⁷-ште Шкем-ын Шулыш-ем Мый*
 тот день-PL-IN REFL-GEN дух-POSS.1SG я

тарзе-влак-ем ўмба-ке оптал-ам,
 слуга-PL-POSS.1SG поверхность-ILL лить-NPST.1SG

‘И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа
 Моего (...)’ [Деян. 2:18]

В горномарийском число на выбор маркирования влияния не оказывает, и наблюдается исключительно генитивное маркирование:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (28) а. *саддукей-влӓ тӱй кечӱ-н тол-ын-ыт*
 саддукей-PL тот день-GEN приходит-PRET-3PL

‘В тот день приступили к Нему саддукеи (...)’ [Мф. 22:23]

- б. *Тӱй кечӱ-влӓ-н ӱшке Шулыш-ем-ӱм Мӱнь*
 тот день-PL-GEN REFL дух-POSS.1SG-ACC я

цора-влӓ-эм вӱ-кӱ оптал-ам
 слуга-PL-POSS.1SG верх-ILL2 лить-NPST.1SG

‘И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа
 Моего (...)’ [Деян. 2:18]

Таким образом, наличие модификатора, а также его вид могут сильно влиять на выбор маркирования. Например, в мокшанском языке темпоральный показатель не совместим с выражением числа и посессивности [Холодилова 2018: 66, 78], что влечет за собой выбор элативного показателя при множественном числе и генитивном

¹⁷ Морфема множественного числа *-ла*, согласно [Alhoniemi 1993: 68], употребляется с аккузативом и пространственными падежами при словах, обозначающих локализацию. По всей видимости, это распространяется и на временную семантику, однако в грамматике не указывается.

посессоре¹⁸. Генитивный маркер в луговом марийском допускает посессивное маркирование, но в темпоральной функции не совместим с показателем числа. При необходимости формального выражения числа используется инессив. В горномарийском же генитив свободно сочетается с числом, и инессив в маркировании момента времени не используется. Контраст между двумя марийскими языками может говорить о различном статусе *-н*-го показателя в этих языках (см. *Раздел 5*).

4.4. Месяц, сезон и год

Подтип «месяц» представлен в корпусе одним контекстом, в мордовских языках не содержащим рассматриваемых ТИГ. В марийских же языках использован генитив (29).

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
- (29) а. *Кудымшо тылзы-н Юмо Гавриил Суксы-м*
 шестой месяц-GEN бог Гавриил ангел-ACC
Галилейы-се Назарет ман-ме ола-шке
 Галлилея-ATTR Назарет говорить-PTCP.PASS город-ILL
колт-ен.
 посылать-PRET
- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- б. *Кудымшы тылзы-н Йымы Гавриил Ангел-ым.*
 шестой месяц-GEN бог Гавриил ангел-ACC
Галилейы-шты-шы Назарет ман-мы хала-шкы
 Галлилея-IN-ATTR Назарет говорить-PTCP.PASS город-ILL
- ‘**В шестой же месяц** послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет (...)’ [Лк. 1:26]

¹⁸ В эрзянском элативный показатель, используемый и при отсутствии модификаторов, совместим с выражением определенности, числа и посессивности. Поэтому контраста в маркировании не ожидается, и эрзянский в данном случае показательным не является.

Единственным контекстом, содержащим обозначение сезона, является стих [Мф. 24:20] с лексемой ‘зима’. В мордовских языках в данном контексте используется темпоральный показатель (30а)–(30б). Нужно отметить, что, согласно историческим грамматикам, эрзянский показатель *-ня* соответствует мокшанскому *-нда* [Серебренников 1967: 32]. В марийских языках в данном контексте используется аккузативное маркирование (30в)–(30г).

ЭРЗЯНСКИЙ

- (30) а. *Ознодо,* *илязо* *уле* *тынк* *оргодема-сь*
 молиться-IMP.PL ни быть ВЫ.GEN побег-DEF.SG
тель-ня *эли* *оймсема* *чи-не.*
 зима-TMPR2 или отдых день-TMPR1

МОКШАНСКИЙ

- б. *Озонд-ода,* *аф-оль* *уле* *ворьгодема-нте*
 молиться-IMP.PL NEG-PQP быть побег-2PL.POSS.SG
тыло-нда *али* *ваймама-нь* *ши-ня.*
 зима-TMPR2 или отдых-GEN день-TMPR1

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- в. *Ты-лан-да* *тел-ым* *але* *шуматкечы-н*
 ВЫ-DAT-POSS.2PL зима-ACC или суббота-GEN
курж-аш *ынже* *логал* *манын,*
 бежать-INF PRON.3 попадать чтобы

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- г. *Тя-лән-дә* *тел-ым* *әли* *кукшыгечы-н*
 ВЫ-DAT-POSS.2PL зима-ACC или суббота-GEN
кыржыж-аш *ынжы* *вәрешт* *манын,*
 бежать-INF PRON.3 приходиться чтобы

‘Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше **зимою** или в субботу <...>’ [Мф. 24:20]

Из трех потенциальных контекстов обозначения года рассматривался только один, поскольку прочие не содержат ТИГ или же имеют кванторное слово в качестве зависимого ТИГ. В данном контексте

эрзянский сохраняет элативное маркирование, используемое в большинстве темпоральных контекстов, а мокшанский использует маркер *-ть*. В луговом марийском используется датив, выражающий не синхронную, а антериорно-дуративную локализацию (*к следующему году*). В горномарийском же используется генитив.

ЭРЗЯНСКИЙ

- (31) а. *Паряк сы ие-стэ карм-ить*
 возможно приходящий год-EL приняться-NPST.3PL
ул-еме инжир-т,
 быть-INF инжир-PL

МОКШАНСКИЙ

- б. *Пади сай кизо-ть канд-ы*
 возможно приходящий год-GEN приносить-NPST.3SG
имош-т;
 ягода-PL

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- в. *А уке гъинь, вес и-н ро-эт''».*
 а NEG.EX если другой год-GEN рубить-NPST.2SG

‘⟨...Не принесет ли плода;⟩ если же нет, то **в следующий [год]** срубишь ее’. [Лк. 13:9]

Таким образом, мордовские языки маркируют обозначение сезона (‘зима’) темпоралисом, а обозначение года — «дефолтным» темпоральным маркером элатива в эрзянском и показателем *-ть* в мокшанском. Марийские же языки используют маркер аккузатива для обозначения сезона, а для маркирования месяца — генитив. Для маркирования года в горномарийском используется дефолтный генитив.

4.5. Абстрактное время

Помимо контекстов, выделенных М. Хаспельматом, мы также рассмотрим абстрактные временные контексты, указывающие

на абстрактную временную точку или промежуток (32). Отбор данных контекстов составляет нетривиальную задачу, поскольку выбор конкретной лексемы, которая будет использована в вершине темпоральной ИГ, значительно различается по языкам. Так, в русском переводе из 19 выделенных контекстов лишь 7 содержат собственно лексему *время* (32а), тогда как в 11 контекстах встречается лексема *день* во множественном числе (32б), (32г). Один контекст содержит лексему *час* (32в). Все контексты модифицированы или указательным местоимением (32а)–(32в), или генитивным посессором (32г).

(32) а. **В это время** родился Моисей. [Деян. 7:20]

б. **В те дни** вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. [Лк. 2:1]

в. <...> **Ибо в тот час** дано будет вам, что сказать <...> [Мф. 10:19]

г. **И как было во дни Ноя**, так будет и во дни Сына Человеческого <...> [Лк. 17:26]

В эрзянском языке в 13 из 19 контекстов использована лексема *шка* ‘время’. Данная лексема может быть оформлена элативом с показателем определенности (33) или темпоралисом *-не*, соответствующим мокшанскому темпоралису *-ня* (34) [Серебренников 1967: 32].

ЭРЗЯНСКИЙ

(33) *Малав* *се-ке* *шка-сто-нить* *Ирод*
приблизительно тот-ADD время-EL-DEF.SG Ирод

инязоро-сь *кармавт-сь*
царь-DEF.SG заставить-PST.3SG

‘**В то время** царь Ирод <поднял руки на некоторых из> принадлежащих к церкви, <чтобы сделать им зло...>’ [Деян. 12:1]

ЭРЗЯНСКИЙ

(34) *Те* *шка-не* *Эфес-сэ* *кепед-в-кине-сь*
этот время-TMPR1 Эфес-IN устроить-PASS-CAUS-PST.3SG

поки шалт
 большой волнение

‘**В то время** произошел немалый мятеж (против пути Господня...)’ [Деян. 19:23]

Судить о точном распределении двух показателей по имеющимся в корпусе данным затруднительно, однако нужно отметить, что использование темпорального показателя встречается исключительно с местоимениями *се* ‘тот’ и *те* ‘этот’ в самом начале предложения. Данная позиция характерна для топикальных темпоральных ИГ, задающих временные рамки всему предложению. Из этого можно заключить, что выбор маркирования может зависеть от информационной структуры. Кроме того, при наличии маркера множественного числа наблюдается исключительно элативное маркирование (35). Таким образом, как и в системе маркирования ТИГ в целом, элативное маркирование является дефолтным, тогда как темпоральный показатель возникает в ограниченном количестве контекстов.

ЭРЗЯНСКИЙ
 (35) *кода уль-н-есь Лот-онь ика-тне-стэ:*
 как быть-IPFV-PST.3SG Лот-GEN время-DEF.PL-EL
 ‘(Так же,) как было и **во дни Лота** (...)’ [Лк. 17:28]

Другой лексемой, регулярно возникающей при обозначении абстрактного времени в эрзянском языке, является лексема *чи* ‘день’. Эта лексема в данном контексте выступает исключительно во множественном числе и с элативным маркированием (36).

ЭРЗЯНСКИЙ
 (36) *Не-ть чи-тне-стэ Иисус са-сь*
 тот-PL день-DEF.PL-EL Иисус прийти-PST.3SG
 ‘И было **в те дни**, пришел Иисус (из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане)’. [Мк. 1:9]

В мокшанском в 17 из 19 контекстов используется лексема *пинге* ‘время’. Основным маркированием (9 примеров из 17) является генитивное (37a), однако в двух используется темпоралис на *-ня* (37b).

МОКШАНСКИЙ

- (37) а. *Тя пинг-ть* *Ефес-са кепод-сь*
 этот время-DEF.SG.GEN Эфес-IN устроить-PST.2SG

оцю комболдома
 большой волнение

‘**В то время** произошел немалый мятеж (против пути Господня...)’ [Деян. 19:23]

- б. *Анна тя пинго-ня нежсед-сь тей-ст,*
 Анна этот время-TMPPL1 подойти-PST.3SG DAT-3PL

‘И она [Анна] **в то время**, подходя, (славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме...)’ [Лк. 2:38]

На распределение генитивного и темпорального показателя с большой вероятностью влияет информационная структура, а именно особый статус топикальной позиции. Несмотря на ограниченность данных, можно предположить в качестве рабочей гипотезы, что в эрзянском для более ограниченного в употреблении темпорального показателя характерна топикальная позиция (34). В мокшанском же наблюдается обратная ситуация: ИГ, оформленные темпоралисом, располагаются не на левой периферии (37б). Это дает основания предполагать, что в мокшанском языке, в отличие от эрзянского, позиция топика для ИГ с темпоралисом не характерна. Безусловно, подтверждение гипотезы о влиянии топикального статуса требует дополнительного исследования на большем объеме данных.

Помимо генитива и темпоралиса, в мокшанском наблюдается элативное маркирование в контекстах, выражающих «абстрактное время». Элатив используется при наличии генитивного зависимого в контекстах, где отрезок времени указывается по отношению к периоду жизни конкретного человека (38).

МОКШАНСКИЙ

- (38) *Кода уль-сь* *Но-ень пинг-ста, стане ул-и*
 как быть-PST.3SG Ной-GEN время-EL так быть-NPST.3SG

Ломан-ень Цёра-ть са-ма
 человек-GEN сын-DEF.SG.GEN прийти-PTCP.PASS

ши-сто-нзо-бок.
 день-EL-POSS.3SG-ADD

‘⟨...⟩ Но, как было **во дни Ноя**, так будет и **в пришествие Сына Человеческого** ⟨...⟩’ [Мф. 24:37]

Помимо лексемы *пинге*, используется лексема *ши* ‘день’. Как и в эрзянском, контексты с данной лексемой за редким исключением (38) содержат ТИГ множественного числа (39). Маркирование в таких контекстах при выражении множественности генитивное, что, несмотря на разницу самих падежных показателей, является параллельным эрзянской системе: основной, наименее ограниченный по сфере употребления показатель используется в сочетании с множественным числом¹⁹.

МОКШАНСКИЙ
 (39) *Ся ши-тне-нь Иисус са-сь*
 тот день-DEF.PL-GEN Иисус приходит-PT.3SG
 ‘И было **в те дни**, пришел Иисус ⟨из Назарета Галилейского⟩’
 [Мк. 1:9]

В луговом марийском лексема *жап* ‘время’ встречается только с инессивным маркированием (40а). Это же маркирование используется и для лексемы *кече* ‘день’ во множественном числе (40б).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
 (40) а. *Тудо жап-ыште Иисус нерген Ирод тетрарх*
 тот время-IN Иисус о Ирод царь
кол-ын.
 слышать-PRET

‘В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе’. [Мф. 14:1]

¹⁹ Важно отметить, что в мокшанском формы пространственных падежей нейтральны с точки зрения числа, т. е. открытое выражение числа доступно в генитиве, но не в элативе.

б. *Тудо кечы-ла-ште Иерусалим гыч Антиохийы-ш*
 тот день-PL-IN Иерусалим EL Антиохия-PL

пророк-влак тол-ын-ыт.
 пророк-PL приходит-PRET-3PL

‘**В те дни** пришли из Иерусалима в Антиохию пророки’.
 [Деян. 11:27]

Наконец, в горномарийском языке 9 контекстов содержат лексему *жеп* ‘время’ и один — *веремä* ‘время’. Маркирование в данных контекстах генитивное (41а)–(41б), за исключением единственного примера, использующего инессив (41в). Как и в прочих случаях с единичным исключительным маркированием, можно подозревать влияние лугового марийского.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(41) а. *Ти жеп-ын Иисус гишан Ирод тетрарх*
 этот время-GEN Иисус о Ирод царь

кол-ын.
 слышать-PRET

‘**В то время** Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе’. [Мф. 14:1]

б. *Ти верем-н Господь-ын корны-жы верц*
 этот время-GEN Господь-GEN дорога-POSS.3SG для

изи агыл пыдыранымаш лăкт-ын.
 маленький NEG волнение выходить-PRET

‘**В то время** произошел немалый мятеж против пути Господня <...>’ [Деян. 19:23]

в. *ма-м попы-мыла, тă-лăн-дă тб̄и жеп-биштб̄и*
 что-ACC сказать-DEV вы-DAT-POSS.2PL тот время-IN

пу-мы ли-эи,
 давать-PTCP.PASS стать-NPST.3SG

‘(Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать;) ибо **в тот час** дано будет вам, что сказать <...>’
 [Мф. 10:19]

Лексема *кечѝ* ‘день’, встречающаяся в данном контексте, как и в других языках выборки, только во множественном числе, также маркируется генитивом (42а), однако в одном случае зафиксировано и инессивное маркирование (42б).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (42) а. *Ти кечѝ-влѝ-н Иерусалим гѝц Антиохи-ш*
 этот день-PL-GEN Иерусалим EL Антиохия-ILL

пророк-влѝ тол-ын-ыт.

пророк-PL приходить-PRET-3PL

‘**В те дни** пришли из Иерусалима в Антиохию пророки’.
 [Деян. 11:27]

- б. *Мѝнь тѝм-дѝ-н кечѝ-влѝ-штѝ ѳрѝктѝрѝ-шѝ*
 я вы-POSS.2PL-GEN день-PL-IN удивлять-PTCP.ACT

нѝшѝ-м ѝшт-ем,

работа-ACC делать-NPST.1SG

‘⟨...⟩ Ибо Я делаю дело **во дни ваши** ⟨...⟩’ [Деян. 13:41]

Таблица 5 суммирует все продемонстрированные в данном разделе показатели по темпоральным значениям с возможностью сопоставления их основных функций, а также морфологических форм.

Таблица 5. Показатели, используемые во временных значениях

Table 5. Markers used to express temporal semantics

Значение	Эрз.	Мокш.	Луг. мар.	Горномар.
Час	EL (-сто / -стѝ)	EL (-ста); IN (-са)	IN (-што / -ште)	IN (-штѝ / -штѝ); GEN (-н)
Часть суток	СОМ (марто); ТЕМП (-ть)	GEN (-ть); ТЕМП (-ня)	СОМ (-тене); АСС (-м)	АСС (-м); ЛАГ (-эш)
День	EL (-сто / -стѝ)	EL (-ста); GEN (-тнеь); ТЕМП (-ня)	IN (-што / -ште); GEN (-н)	GEN (-н)
Месяц	п/а	п/а	GEN (-н)	GEN (-н)
Сезон	ТЕМП (-ня)	ТЕМП (-нда)	АСС (-м)	АСС (-м)

Значение	Эрз.	Мокш.	Луг. мар.	Горномар.
Год	EL (-сто / -стэ)	GEN (-ть/-тнень)	n/a	GEN (-н)
Абстрактное время	EL (-сто / -стэ); TEMP (-не)	EL (-ста); GEN (-ть); TEMP (-ня)	IN (-што / -ште)	GEN (-н); IN (-штты/-штты́)

Из данного раздела видно, что стратегия обозначения абстрактного времени в некоторых языках может пересекаться, но не совпадать напрямую ни с одной из стратегий обозначения конкретного времени. В приложении также приводятся семантические карты для каждого из исследованных языков наряду с изначальной имплицативной картой временных значений синхронной локализации, предложенной М. Хаспельматом.

Корпусных данных, впрочем, недостаточно для того, чтобы утверждать, что наборы маркеров для каждой категории конкретного времени являются исчерпывающими.

5. Обсуждение статуса немаркированных форм, наречных форм и генитива при кодировании ТИГ

Немаркированные формы используются в рассмотренных языках для обозначения ТИГ, содержащих указание на часть суток (14), (16а). Примеры из эрзянского корпуса показывают, что немаркированные ТИГ могут содержать зависимые (*те-ке чи-ить чокшине* [этот-ADD день-DEF.SG.GEN вечер] ‘вечером того дня’), что говорит в пользу того, что немаркированные ТИГ должны обсуждаться в грамматических описаниях, а не заноситься в словари в качестве однословных наречий. Наречные суффиксы, такие как мордовские *-на/-ня*, *-нэ/-не* и *-ть*, также присоединяются к ТИГ с зависимыми, включающими в том числе указательные местоимения. По этой причине их рассмотрение в традиционных грамматиках в разделе «Словообразование» не вполне

оправдано. ТИГ, образованные при помощи таких аффиксов, действительно имеют внешнюю дистрибуцию наречий, однако словообразовательными аффиксами в лексикалистском²⁰ смысле являться не могут.

Наконец, материал корпуса позволяет дополнить описания генитива в грамматиках темпоральной функцией. В мокшанском корпусе абстрактное время может кодироваться именно генитивом, поскольку во множественном числе показатель генитива не омонимичен наречному *-ть*. Кроме того, можно заметить, что дистрибуция *-ть* в мокшанском, по крайней мере по данным корпуса, шире, чем в эрзянском. Это может быть объяснено тем, что омонимичный показателю определенного генитива наречный *-ть* был переосмыслен в генитив. В эрзянском же наречный *-ть*, по форме отличающийся от формы определенного генитива *-нть*, употребляется только для обозначения частей суток (а именно с лексемой *ве* ‘ночь’). В горномарийском маркер *-н* используется широко и не имеет ограничений на тип зависимого или числовое маркирование, что подтверждает его статус как показателя генитива. В противоположность горномарийскому, в луговом марийском в большинстве контекстов используется маркер инесива, а маркер *-н* встречается в ограниченном количестве контекстов и не употребляется со множественным числом.

В заключение нужно отметить, что отсутствие тех или иных употреблений в корпусе не говорит об их невозможности в языке. Так, несмотря на то что, согласно корпусным данным, маркер *-ть* в мокшанском заменяется темпоральным *-ня* при появлении указательного местоимения, данные опроса носителей показывают, что указательное местоимение в ТИГ, оформленных *-ть*, также возможно (43).

МОКШАНСКИЙ

(43) *Ся ве-ть ту-сь Егунет-у.*
 тот ночь-DEF.SG.GEN идти-PST.3SG Египет-LAT

‘В ту ночь он пошел в Египет’. [Полевые данные автора]

²⁰ Под лексикализмом мы понимаем подход, предполагающий, что синтаксис оперирует со словами, заранее сформированными в лексиконе по отдельным, отличным от синтаксиса законам (см., например, [Chomsky 1965]).

Более того, во множественном числе может быть использован генитив определенного склонения в своей множественной форме, что позволяет однозначно утверждать, что в мокшанском языке *-ть* — действительно форма определенного генитива.

МОКШАНСКИЙ

- (44) *Ся ве-тне-нь сон из утце.*
 тот ночь-DEF.PL-GEN он NEG.PST спать.CN

‘В те ночи он не спал’. [Полевые данные автора]

Выявляемая по корпусу ограниченность употребления *-ть* в эрзянском также может быть связана как с тем, что в эрзянском он является наречным маркером, так и с предпочтениями переводчика, вызванными не неграмматичностью данных форм в языке, а некоторыми внешними факторами. Схожая ситуация может наблюдаться и в марийских языках. Предпочтение инессива как основного темпорального маркера в луговом марийском переводе и генитива в горномарийском переводе не означает, что использование генитива в луговом марийском и использование инессива в горномарийском невозможно. Так, мы видим спорадические примеры на инессив в горномарийском корпусе Нового Завета. Отметим, что в [Петелин 2023] сообщается, что в горномарийском языке маркирование ТИГ синхронной локализации инессивом разрешается лишь частью носителей. Это говорит в пользу гипотезы, что в системе маркирования ТИГ в горномарийском языке статус инессива действительно маргинальный. В свою очередь, в луговом марийском языке генитивное маркирование менее ограничено и в корпусах встречается достаточно часто [Дж. Брэдли, л. с.].

6. Выводы

В данной статье на примере мордовских и марийских языков представлен опыт работы с корпусом переводов книг Нового Завета для изучения систем маркирования ТИГ в языках мира. Несмотря на некоторую вариативность в переводах, семантическая

разметка корпуса по семантическим типам, выделенным в [Haspelmath 1997], дает достаточно надежный набор контекстов, в частности, на темпоральную локализацию. Для типологических исследований к классификации М. Хаспельмата должны быть добавлены контексты, обозначающие «абстрактное время», которое может не совпадать по маркированию ни с одним из прочих типов. Необходимо также более дробно разделять время суток и сезон, поскольку внутри данных подтипов выбор показателя зависит от конкретной лексемы в вершине ТИГ. Дальнейшее дробление необходимо и для типа «день», поскольку сама лексема со значением ‘день’ может отличаться от названий дней недели по типу маркирования.

С типологической точки зрения, результаты, полученные в ходе исследования, подтверждают найденные М. Хаспельматом тенденции. Во-первых, наблюдается обильное использование пространственных показателей, не исключающее наличия также и непространственных средств выражения временных значений. Во-вторых, обилие различных маркеров для обозначения синхронной локализации также является типологической нормой. В некоторых языках наблюдается тенденция маркировать ‘час’ особым образом, однако исследуемые финно-угорские идиомы таковыми языками не являются: в конструкциях с лексемой со значением ‘час’ используется подмножество показателей, выступающих в других временных конструкциях. В-третьих, части суток показывают наибольшую степень лексикализации (застывшие специализированные наречия, немаркированные формы). Наконец, исследуемые языки подтвердили предложенную М. Хаспельматом имплицативную карту, отражающую наиболее частые тенденции в обозначении синхронной локализации.

Одна из черт, проявляемых мордовскими и марийскими языками, в свою очередь противоречит тенденции, замеченной в [Haspelmath 1997]. В отличие от некоторых языков выборки М. Хаспельмата, допускающих немаркированную форму при наличии модификаторов (в первую очередь, указательных местоимений), в мордовских и марийских модификаторы, особенно указательные местоимения, требуют открытого маркирования на вершине.

Данное исследование также показало, что наречные временные формы не являются наречиями в лексикалистском понимании. Они являются ИГ, образующимися в синтаксисе, а не в лексиконе, и получают соответствующее меняющее категорию маркирование уже как сложные синтаксические образования. Кроме того, среди маркеров ТИГ синхронной локализации должен упоминаться генитив.

Исследование по корпусу Нового Завета является лишь первой частью более подробного исследования, включающего использование других корпусов и метод элицитации данных. Однако данный этап является полезным для верификации и дополнения скудных данных, имеющихся в грамматических описаниях, и для формулировки гипотез.

В дальнейшем необходимо исследовать, насколько распределение возможных типов маркирования в корпусе Нового Завета отличается от распределения в других корпусах (см., например, [Koposhenko, this volume] о сравнении цитативов в кпелле на материале различных корпусов). Также важно проверить, что является причиной вариативности нескольких маркеров в том или ином контексте и является ли это свободным варьированием или же обусловлено некоторыми факторами, не выявленными по корпусу. Наконец, имея описание системы маркирования в одном из близкородственных языков, нужно проверить, возможно ли маркирование соответствующими аффиксами в другом.

Приложение

Дистрибуция употребления маркеров при кодировании типологически выделенных значений использует метод семантических карт [Haspelmath 1997]. Основной идеей данного метода является особое расположение выделяемых функций в граф таким образом, чтобы в каждом конкретном языке каждый конкретный маркер покрывал область функций, соединенных между собой. В нормальном случае маркер не может обозначать два разорванных кластера значений.

М. Хаспельмат предлагает следующую семантическую карту для значений синхронной локализации:

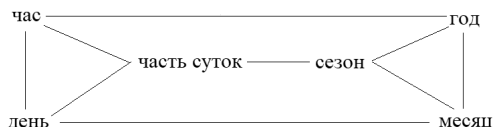
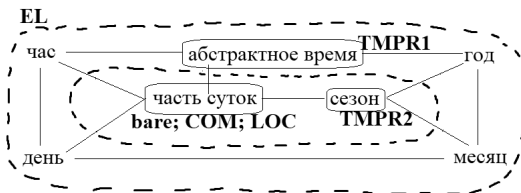

Рис. 1. Импликативная карта для показателей синхронной локализации

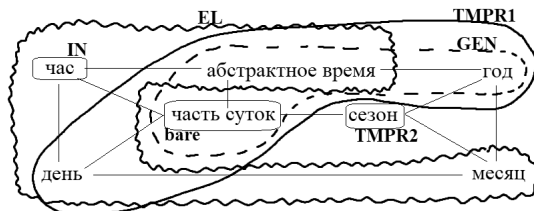
Fig. 1. Implicational map for simultaneous location markers

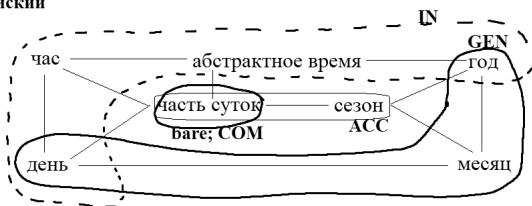
В ходе исследования карта была модифицирована: было добавлено значение «абстрактное время». На данный момент для непрерывности отношений на семантической карте абстрактное время должно быть соединено не только с семантикой «час» и «год», но также и с «часть суток». На Рис. 2 представлены системы маркирования темпоральных ИГ в исследуемых языках по семантической карте М. Хаспельмата с добавлением обозначения абстрактного времени.

Эрзянский

Мокшанский

Луговой
марийский

Горномарийский

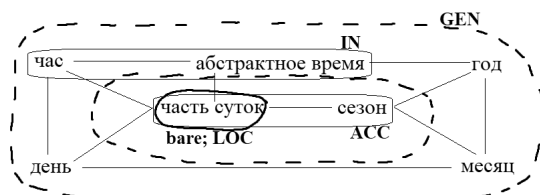

Рис. 2. Система маркирования ТИГ в эрзянском²¹, мокшанском, луговом марийском и горномарийском

Fig. 2. The system of morphosyntactic marking of nominal adverbials in Erzya, Moksha, Meadow Mari and Hill Mari

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; APPR — приблизительность; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; CN — коннегатив; COM — комитатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEF — определенность; DIM — диминутив; EL — элатив; EMPH — эмфаза; EX — экзистенциальный маркер; GEN — генитив; ILL, ILL2 — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объектное спряжение;

²¹ Концентрические круги на семантической карте для эрзянского и горномарийского показывают, что общностью маркирования обладают подтипы, находящиеся на периферии карты: «час», «абстрактное время», «год», «месяц» и «день», за исключением внутренних «часть суток» и «сезон».

PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PQR — плюсквамперфект; PRET — претерит; PRON — прохибитив; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP.ACT — активное причастие; PTCP.PASS — пассивное причастие; REFL — рефлексив; s — субъектное спряжение; SG — единственное число, T — темпоральный аффикс; TMPR1, TMPR2 — темпоралис; TRANS — транслатив.

Литература

- Бубрих 1953 — Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М.: МГУ, 2002.
- Кудаев 1988 — П. С. Кудаев. Малораспространенные случаи употребления генетива в мордовских языках // О. Е. Поляков (ред.). Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1988. С. 128–132.
- Мосина 2008 — Н. М. Мосина. Выражение темпоральности местными падежами в финском и эрзянском языках // К. Н. Сануков, О. Н. Тихонов, И. С. Галкин, З. Г. Зорина, И. Г. Иванов, С. С. Сабитов (ред.). Материалы X международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. С. 111–119.
- Мосина 2014 — Н. М. Мосина. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке. Дисс. ... д. филол. наук. Саранск: Мордовский государственный университет, 2014.
- Пенгитов 1961 — Н. Т. Пенгитов. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
- Петелин 2023 — Д. О. Петелин. Семантика темпоральных выражений // Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 301–322.
- Плаксина 2002 — Т. А. Плаксина. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2002.
- Рожанский, Маркус 2021 — Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус. Падежные формы в функции наречий времени в водском и ижорском языках // Доклад на конференции «Падеж в уральских, алтайских и палео-азиатских языках», Санкт-Петербург, ИЛИ РАН (онлайн), 23 октября 2021.

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica Tomus 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебрянников 1963 — Б. А. Серебрянников. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963.
- Феоктистов 1966 — А. П. Феоктистов. Мордовские языки // В. В. Виноградов (гл. ред.), Б. А. Серебрянников, Н. А. Баскаков, Ю. Д. Дешериев, П. Я. Скорик, В. Ф. Беляев (ред.). Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 172–220.
- Холодилова 2018 — М. А. Холодилова. Морфология имени // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 63–121.
- Щанкина и др. 2011 — В. И. Щанкина, А. М. Кочеваткин, С. А. Мишина. Русско-мокшанско-эрзянский словарь. Самара: Поволжский центр культур финно-угорских народов, 2011.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English // *Linguistic inquiry*. 1978. Vol. 3. № 9. P. 331–391.
- Chomsky 1965 — N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Fodor 2004 — G. Fodor. Időhatározók a mordvinban. *Folia Uralica Debreceniensia*. 2004. Vol. 11. P. 65–72.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time. Temporal adverbials in the World's languages. München; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Kangasmaa-Minn 1969 — E. Kangasmaa-Minn. The syntactical distribution of the Cheremis genitive II. Turku: Kirjapaino Polytypos, 1969.
- Kobayashi 1999 — K. Kobayashi. Another Approach to Bare-NP Adverbials as Nominals // *English Linguistics*. Vol. 16. № 2. P. 353–380.
- Konoshenko, this volume — M. B. Konoshenko. Quotatives in Guinean and Liberian kpelle: a study of parallel bible corpora and non-biblical texts // This volume.
- Larson 1985 — R. K. Larson. Bare-NP adverbs // *Linguistic inquiry*. 1985. Vol. 16. № 4. P. 595–621.
- Larson 1987 — R. K. Larson. “Missing prepositions” and the analysis of English free relative clauses // *Linguistic inquiry*. 1987. Vol. 18. № 2. P. 239–266.

- Luraghi 2014 — S. Luraghi. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphor // S. Luraghi, H. Narrog (eds.). *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 101–152. DOI: 10.1075/tsl.106.04lur.
- Malchukov, Narrog 2008 — A. Malchukov, H. Narrog. Case polysemy // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 518–534. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0035.
- McFadden 2004 — Th. McFadden. The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. PhD thesis. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004.
- Pleshak, Petelin 2019 — P. Pleshak, D. Petelin. Nominal adverbials with temporal semantics in Hill Mari // *Typology of morphosyntactic parameters*. 2019. № 2. P. 95–112.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 118–134.

Источники

- БФУЯ — Библия на финно-угорских языках (электронный ресурс). URL: <http://finugorbib.com> (дата обращения: 20.08.2021)

References

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Hamburg: Buske, 1993.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English. *Linguistic inquiry*. 1978. Vol. 3. No. 9. P. 331–391.
- Bubrikh 1953 — D. V. Bubrikh. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [The historical grammar of Erzya]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1953.
- Chomsky 1965 — N. Chomsky. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
- de Vries 2007 — L. de Vries. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF — Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 148–157. DOI: 10.1524/stuf.2007.60.2.148.
- Feoktistov 1966 — A. P. Feoktistov. Mordovskie yazyki [The Mordvin languages]. V. V. Vinogradov, B. A. Serebrennikov, N. A. Baskakov, U. D. Desheriev, P. Y. Skorik, V. F. Belyaev (eds.). *Yazyki narodov SSSR* [The languages of the nations of the USSR]. Vol. III. *Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* [Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 172–220.

- Fodor 2004 — G. Fodor. Időhatározók a mordvinban. *Folia Uralica Debreceniensia*. 2004. Vol. 11. P. 65–72.
- Ganenkov 2002 — D. S. Ganenkov. *Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley* [Models of the polysemy of spatial markers]. Thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2002.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time. Temporal adverbials in the World's languages*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Kangasmaa-Minn 1969 — E. Kangasmaa-Minn. *The syntactical distribution of the Chermis genitive II*. Turku: Kirjapaino Polytypos, 1969.
- Kholodilova 2018 — M. A. Kholodilova. Morfologiya imeni [Nominal morphology]. S. U. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. U. Privizentseva, I. A. Stenin (eds.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of the Moksha language in typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 63–121.
- Kobayashi 1999 — K. Kobayashi. Another Approach to Bare-NP Adverbials as Nominals. *English Linguistics*. Vol. 16. No. 2. P. 353–380.
- Konoshenko, this volume — M. B. Konoshenko. *Quotatives in Guinean and Liberian kpelle: a study of parallel bible corpora and non-biblical texts*. This volume.
- Kudaev 1988 — P. S. Kudaev. Malorasprostrannyye sluchai upotrebleniya genitiva v mordovskikh yazykakh [Rare uses of genitive in Mordvin]. O. E. Polyakov (ed.) *Aktualnye voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Current issues in the Mordvin linguistics]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1988. P. 128–132.
- Larson 1985 — R. K. Larson. Bare-NP adverbs. *Linguistic inquiry*. 1985. Vol. 16. No. 4. P. 595–621.
- Larson 1987 — R. K. Larson. “Missing prepositions” and the analysis of English free relative clauses. *Linguistic inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 2. P. 239–266.
- Luraghi 2014 — S. Luraghi. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphor. S. Luraghi, H. Narrog (eds.). *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2014. P. 101–152. DOI: 10.1075/tsl.106.04lur.
- Malchukov, Narrog 2008 — A. Malchukov, H. Narrog. Case polysemy. A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 518–534. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0035.
- McFadden 2004 — Th. McFadden. *The Position of Morphological Case in the Derivation: a Study on the Syntax-Morphology Interface*. PhD thesis. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004.
- Mosina 2008 — N. M. Mosina. Vyrazhenie temporalnosti mestnymi padezhami v finskom i erzyanskom yazykakh [Expression of temporality with locative cases in Finnish and Erzya]. K. N. Sanukov, O. N. Tikhonov, I. S. Galkin, Z. G. Zorina, I. G. Ivanov, S. S. Sabitov (eds.). *Materialy X mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov:*

- Lingvistika: V chast* [Proceedings of the 10th International congress for Finno-Ugric studies: linguistics: V part]. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2008. P. 111–119.
- Mosina 2014 — N. M. Mosina. *Semantika glubinnykh padezhey i morfologicheskije sredstva ikh vyrazheniya v erzyanskom yazyke* [Semantics of deep cases and their morphological encoding in Erzya]. Doctoral thesis. Saransk: Mordvin State University, 2014.
- Pengitov 1961 — N. T. Pengitov. *Sovremennyy mariyskiy yazyk. Morfologiya* [Modern Mari. Morphology]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ., 1961.
- Petelin 2023 — D. O. Petelin. *Semantika temporalnykh vyrazheniy* [Semantics of temporal expressions]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveschenii* [Elements of the Hill Mari grammar in typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 301–322.
- Plaksina 2002 — T. A. Plaksina. *Arealnoe issledovanie severo-zapadnykh govorov moksha-mordovskogo yazyka* [An areal study of the North-Western idioms of the Moksha mordvin language]. Doctoral thesis. Saransk: Evseyev Mordovian State Pedagogical Institute, 2002.
- Pleshak, Petelin 2019 — P. Pleshak, D. Petelin. Nominal adverbials with temporal semantics in Hill Mari. *Typology of morphosyntactic parameters*. 2019. No. 2. P. 95–112.
- Rozhansky, Markus 2021 — F. I. Rozhansky, E. B. Markus. *Padezhnye formy v funktsii narechii vremeni v vodskom i izhorskom yazykakh* [Case forms as temporal adverbials in Votic and Izhora]. Talk at the conference “Cases in Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages”, Petersburg, Institute for Linguistic Studies RAS (Online), October 23, 2021.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoe narechie mariyskogo yazyka* [The Hill idiom of the Mari language]. (Bibliotheca Ceremissica Tomus 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [The historical morphology of the Permic languages]. Moscow: USSR Academy of Sciences Book Publ., 1963.
- Schankina et al. 2011 — V. I. Schankina, A. M. Kochevatkin, S. A. Mishina. *Russko-mokshansko-erzyanskiy slovar* [Russian-Moksha-Erzya dictionary]. Samara: Volgaic Cultural center of Finno-Ugric nations, 2011.
- Wälchli 2007 — B. Wälchli. Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. Vol. 60. № 2. P. 118–134.